

КОМИТЕТ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА»

196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Телефон: 8(812) 466-65-58, факс:
(812) 466-49-99. E-mail: pushkin@lengu.ru

26.02.19г. № 323/04-13

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

Л. М. Кобриня

26 февраля

2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» о диссертации Ван Е «Истоки и художественная семантика орнитологических образов в лирике восточной ветви русского Зарубежья», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература

Литература русского Зарубежья достаточно молода, ей чуть более века, и эта одна из главных причин малой изученности данного культурного феномена. Системное научное осмысление творений русской эмиграции началось, в сущности, не более 30 лет назад. Соответственно, и круг решенных вопросов, имеющих непосредственное отношение к наследию «восточной» и «западной» ветвей русского Зарубежья, достаточно узок. Последним обстоятельством, заметим, обусловлена не только актуальность практически всей «зарубежной» тематики, но и высокая степень свободы в выборе темы исследования.

В самом деле, научные штудии, посвященные русскому Зарубежью, не отличаются методологическим единством; до сих пор не получили однозначного разрешения хронологическая проблема, проблема традиций и новаторства; нет универсальных критериев для определения литературных «школ»,

«гнезд» etc. В связи с последним моментом избранный соискателем подход представляется достаточно разумным. Вместо дробной разбивки эмигрантской литературы на берлинское, парижское, харбинское, шанхайское и прочие «гнезда» Ван Е, подобно Киплингу и Ли Дачжао избирает оппозицию Запада и Востока. Небезынтересно, что данная оппозиция проявляет себя (и это отмечено соискателем) не только во взаимодействии китайского и европейского изводов русской литературы, но и в непростых связях русской литературной традиции с далеко не родственной культурой Поднебесной.

Обосновывая **актуальность** диссертационного исследования, Ван Е справедливо указывает на объективное противоречие: с одной стороны, «орнитологические образы являются важной составляющей образного строя поэзии восточной ветви русского зарубежья», с другой стороны — «истоки, художественная семантика и способы их репрезентации в лирике поэтов русского Китая не исследованы в литературоведении».

Правда, последние слова звучат излишне категорично. Тем более что в «истории вопроса» Ван Е указывает ряд сочинений, посвященных как русскому Зарубежью в целом, так и его поэтической составляющей. В некоторых из этих исследований наиболее частотные орнитологические образы были отражены. Иное дело, что отдельного фундаментального исследования данной темы, действительно, не было.

Объект и предмет исследования определены корректно. Первым выступают тексты «поэтов русского Китая, созданные в двадцатых–сороковых годах XX века и содержащие орнитологические образы». Вторым — «художественная семантика орнитологических образов в лирике восточной ветви русского зарубежья», а также исторический аспект (становление и развитие) данных образов.

Очевидным достоинством диссертации можно считать широкий охват стихотворного материала. Диссертант привлекает для анализа лирику Л. Андерсен, А. Ачаира, М. Визи, М. Колосовой, Е. Недельской, А. Несмелова, А. Паркау, В. Перелешина, Н. Щеголева, В. Янковской, М. Коростовец, Н. Ильнек, Н. Светлова, О. Тельтофт и др. При этом основное внимание соискателя сосредоточено на текстах Арсения Несмелова, Алексея Ачаира, Марианны Колосовой и Валерия Перелешина. Подобный выбор представляется вполне разумным, поскольку названные авторы 1) по праву могут считаться крупнейшими поэтами дальневосточной эмиграции и 2) в их творчестве наиболее полно отражены общие особенности литературы русского Китая.

Научная новизна исследования, по мнению Ван Е, «определяется тем, что в ней впервые изучены орнитологические образы в произведениях поэтов

восточной ветви русского зарубежья, системно и целостно проанализирована художественная семантика и истоки данных образов, обусловленные историческими обстоятельствами и фактами биографии поэтов русского Китая». Несмотря на стилевую небезупречность формулировки, мы не можем не признать ее справедливость, ибо уже сам факт обращения к неразработанной теме предопределяет научную новизну, а «птичья» образность постреволюционной поэзии не привлекала внимания фундаментальной науки.

Теоретико-методологическая база исследования включает в себя классические и современные работы, имеющие непосредственное отношение к диссертационной проблематике. Национальное своеобразие картины мира, представленной в поэзии китайского русского Зарубежья анализируется с учетом концепций А. Н. Веселовского и Г. Д. Гачева; теоретико-литературные вопросы — с опорой на труды М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, Ю. Н. Тынянова. Для освещения историко-литературного аспекта привлекаются работы В. В. Агеносова, О. А. Бузуева, Е. В. Витковского, И. Н. Голенищева-Кутузова, А. А. Забияко, А. П. Забияко, Б. Кодзис, В. Крейда, Ли Иннань, Ли Мэн, Ли Яньлин, Лю Хао, Г. В. Мелихова, А. А. Хисамутдинова, Г. В. Эфендиевой, С. И. Якимовой. Орнитологическая тематика раскрывается при помощи наработок, представленных у Т.В. Авдеевой, А.В. Азбукиной, В.А. Гуры, А.В. Никитиной, Н.Е. Тропкиной, У Хань.

С учетом перечисленных обстоятельств положения и выводы диссертационного исследования, а также формулировки **теоретической и практической значимости** работы можно считать **научно обоснованными**; доказательства основных идей убедительны, хорошо аргументированы, а главное — соединены воедино внутренней логикой исследования. Таким образом, совокупность научных результатов Ван Е можно оценить достаточно высоко, поскольку диссертант внес конкретный личный вклад в научное осмысление поэзии восточной ветви русского литературного Зарубежья.

Первая глава — **«Истоки орнитологических образов в лирике восточной ветви русского зарубежья»** — включает в себя 4 раздела: «Восточная ветвь русского зарубежья и ее место в русской литературе»; «Истоки орнитологических образов лирики восточной ветви русского зарубежья в русской поэзии XVIII-XIX века»; «Влияние поэзии Серебряного века на формирование художественной семантики орнитологических образов в лирике восточной ветви русского зарубежья»; «Литература Китая как исток формирования орнитологической образности поэзии русской дальневосточной эмиграции». Как нетрудно заметить, в данной части работы соискатель пытается решить несколько взаимосвязанных вопросов, выходя на проблематику тра-

дий и новаторства, а также диалога культур. Общий очерк литературной ситуации в русской общине Китая плавно переходит к научному описанию становления и развития орнитологических образов. Соискателем справедливо отмечается, что эти образы восходят к «традициями русской литературы XVIII – XIX века». Кроме того, отмечается, что в орнитологическом поле весьма сильно архетипическое начало, ибо «птица как архетипический образ духа, души – одно из древнейших и широко распространенных значений орнитонима, связанных с мифологическими представлениями многих народов, включая и славянские». Автор также указывает на способы актуализации птичьих образов: «Образ птиц в русской литературе актуализируется через мотивы полёта, крика и гнезда».

Отдельное место занимает описание устойчивых смыслов, традиционно связанных с птичьей образностью: полет — свобода (Пушкин, Лермонтов); гнездо — дом, кров, защита (Фет, Тютчев, Бунин). Переходя к Серебряному веку, диссертант отмечает наличие экзистенциальной и провиденциальной составляющих (Блок, Мандельштам). Не остается без внимания и связь образов птиц с изменением времен года (Бальмонт, Есенин). При этом диссертант справедливо указывает на прямые отражения поэтики Серебряного века в лирике Несмелова, Колосовой, Перелешина.

В заключительном разделе анализируются отдельные аспекты диалога русской и китайской культур. Так, соискатель показывает, что «в восприятии иной культуры у поэтов русского Китая проявляется своего рода прием остранения — чужие города представляются им экзотическими, необычными». Далее выдвигается (и подтверждается) тезис о том, что «творчество поэтов-эмигрантов <...> испытало заметное влияние китайской культуры, в особенности китайской классической поэзии. Под влиянием восточной поэзии, в которой традиционно значительное место занимают орнитологические образы, в русской лирике Китая формировалась художественная семантика образов птиц» — «например, в китайской классической поэзии образы перелётных птиц используются для выражения ностальгических чувств, переживания разлуки и т.д. Эти смыслы присутствуют в стихотворении «Прощанье» А. П. Паркау, где разлука друзей сравнивается с осенними птицами, улетающими на юг»; «в стихотворении „Гуси“ Виктория Янковская использует образ диких гусей, с криком ночью пролетающих над уснувшим городом, для передачи горечи тоски по покинутой, далекой родине». Несомненно удачны рассуждения, связанные с переосмыслением поэтами-эмигрантами образа европейского феникса, который в Китае «является символом благополучия, гармонии, спокойствия, счастья, добра, красоты».

Вторая глава — «Художественная семантика орнитологических образов в лирике русского Китая» — также состоит из 4 разделов: «Художественная семантика образа птицы в лирике восточной ветви русского зарубежья»; «Истоки и художественный смысл образа орла в лирике поэтов восточной ветви русского зарубежья»; «Художественная семантика образа ворона в лирике русского Китая»; «Символика образа голубя в лирике русских поэтов дальневосточного зарубежья». В этой части работы соискатель переходит к анализу конкретных образов, исследуя семантическое своеобразие наиболее частотных. Следует отметить, что использование частотности употребления в качестве основного критерия отбора имеет определенные и хорошо известные литературоведам недостатки. Вместе с тем, учитывая специфику материала, мы можем признать правомерность подобного пути. Вторичный характер творчества эмигрантов определяет образный состав их поэзии, по большей части склонной оперировать общеупотребительными образами и сочетаниями образов: орел, ворон, голубь, коршун и рок, зловещие птицы и багровая луна, птица без гнезда, связанные крылья и неволя, разоренное гнездо, ночная птица и тайна etc.

Исследуя семантику образа орла, диссертант дает развернутую историческую справку, в которой отмечены основные этапы становления образа, его двойственный характер: нечистая птица, птица-душа, символ славы и доблести, символ силы и власти и т. п. В случае необходимости Ван Е привлекает для анализа тексты Державина, Языкова, Тютчева, Гумилева, Ахматовой, Цветаевой... Таким образом, «орлы» русского Зарубежья обретают не только именитых предков, но и сами становятся частью русской литературной традиции. Соотнесение устойчивых функций образа орла с текстами Перелешина, Колосовой и других показывает, что поэтами эмиграции, как правило, но не всегда, негативные коннотации образа игнорировались. Парящий под облаками орел, противостоящий обыденности, выступает в едином союзе с орлом двуглавым и предстает воплощением чести, свободы, мужества; орел, заточенный в неволе, становится символом эмигранта, навсегда лишенного возможности дышать воздухом родных просторов.

Судьба ворона сложилась иначе. Традиционно зловещая птица в поэзии эмигрантов не только не утрачивает свою «смертную» и чернокнижно-колдовскую природу, но приобретает новые связи с темной стороной мироздания: «И в вихре, налетавшем, / Как черт из-за угла, / Рос ворон, исклевавший / Двуглавого орла»; даурский барон «Огромный, / Он мчит над пустынею Гоби, / И ворон сидит у него на плече» (Несмелов). Ворон, как и орел, рассматривается соискателем в рамках литературной традиции (Державин и

пр.). Но одновременно Ван Е показывает, как под влиянием исторических реалий размывается романтический ореол образа, неразрывно связанного с бунтом: «Думала: так. Пошумит народ — / Вороны бунта устанут каркать — / И, отрезвев, умирать пойдет / За обожаемого монарха» (Несмелов); с предвидением будущего — теперь явление ворона не предвещает ничего, кроме смерти: «Все может быть...Быть может, и найдут / Овчарка, волк под снегом человека... / Быть может, ворон каркнет на лету, / падет к земле и проклянет мне веко» (Ачаир); «На заборе сидели и каркали черные вороны, / падал хлопьями снег, / и одни только птицы чернели. / Запорошенный белым, согнувшийся, шел человек / по какой-то дороге, в какую-то дальнюю сторону / до какой-то невидимой цели. <...> А потом повернул от вечерней белеющей улицы / за последней чертой, / где последние птицы вспорхнули, / и пропал неизвестно куда и слился с темнотой» (Визи). Весьма любопытным случаем «вырождения» образа становится постепенное вытеснение воронов воронами из традиционного семантического поля: «И эти заспанные звезды, / И ветер, стонущий в ветвях, / И мерзлые вороньи гнезда / На облетевших тополях, / Все знаки смерти и напасти...».

Образ голубя предстает своеобразной антитезой ворону. Голубь, символизирующий крепкий брачный союз, любовь, домашний очаг, мир, действительно прочно вошел в поэзию. Но помимо земных радостей голубь связан и с сакральными областями. В русской поэтической традиции образ голубя, как правило, не получает оригинального толкования. разве что у Гумилева ему предлагается исполнить роль Азраила, но герой откровенно сомневается в том, что *этот* вестник с глазами-огнями прибыл из горних пределов: «Если ж это голубь Господень / Прилетел сказать: Ты готов! — / То зачем же он так несходен / С голубями наших садов?». Не блещет оригинальностью и эмигрантская лирика: голубь и домашний очаг, голубь как символ мира, голубь как составляющая урбанистического либо идиллического пейзажа: «Сянтаньчэн — за холмом прохладным: / Днём туда голуби летят, / А потом фениксом нарядным / В Сянтаньчэн прячется закат. // В Сянтаньчэн просятся улыбки, / В Сянтаньчэн сходятся мечты, / Про него всхлипывают скрипки, / На него молятся цветы» (Перелешин). Правда, у Перелешина встречается ветхозаветная тема голубя-сакральной жертвы, но это, скорее, исключение, нежели правило: «Боже! Я всех у Тебя бедней, / Всех нерадивее, всех превратней: / Я только двух принес голубей, / Не улетевших из голубятни. // Ты переломишь ли шею им / И неискусные эти крылья, / Чтобы навеки стезям Твоим / Стали послушными — от бессилья? // Шею Господь у них преломил /

И, под крыло их головы пряча, / Тельца на жертвенник возложил, / От всеожжений ещё горячий».

Третья глава — «**Орнитологические символы в лирике восточной ветви русского Зарубежья**» — насчитывает 5 разделов: «Фольклорные и литературные истоки орнитологических символов»; «Орнитологические символы в лирике В. Перелешина»; «Образ крыльев в поэзии А. Ачаира»; «Орнитологическая символика в лирике М. Колосовой»; «Символика крыльев в поэтическом творчестве А. Несмелова». Здесь соискатель, используя полученные ранее данные, переходит к персоналиям. Ван Е по уже привычной схеме рассматривает отдельные аспекты «крылатой» образности, образности ангелической, демонической etc. Апробированная ранее схема анализа применяется и при обращении к стихам конкретного автора. В сущности, 2–5 разделы главы представляют собой развернутое и необходимое дополнение к тем наблюдениям об Ачаире, Перелешине, Несмелове, Колосовой, которые были представлены в предыдущих разделах. Таким образом, работа приобретает законченную форму и все недостающие детали мозаики встают на свои места. Диссертант рассматривает оппозицию «крылатости / бескрылости», мотив опаленных крыльев, обращает внимание на особенности поэтической игры с цветом крыльев etc. Все наблюдения подкрепляются соответствующими текстовыми примерами и аналитическими комментариями.

«Заключение» диссертации содержит краткое обобщение результатов исследования, а также описание его перспектив.

Таким образом, работа Ван Е заслуживает положительной оценки, а ее результаты представляют несомненный интерес для современного литературоведения.

В то же время, отдельные моменты диссертационного сочинения вызывают вопросы и требуют некоторых уточнений.

1. В одном из положений, выносимых на защиту, звучит следующее утверждение: «В творчестве поэтов русского Китая складывается система художественных символов, связанных с орнитологической образностью. Важнейшим и наиболее частотным является символ крыльев, обладающий широким спектром значений и отражающий специфику мировосприятия поэтов русского Китая». Не подвергая сомнению правомерность данного высказывания, мы, тем не менее, хотели бы знать:

а) каким образом связаны между собой частотность употребления и смысловая значимость символа?

б) каковы критерии вынесения «крыльев» на уровень символа?

в) насколько сильны расхождения между художественными функциями традиционных «крыльев» и «крыльев» русского восточного Зарубежья?

2. Интерпретация отдельных текстов представляется довольно спорной. Так, Ван Е пишет: «В русской классической поэзии отражена мифологическая и религиозная символика образа орла. Орёл связан с солнцем и небом, Богом, выступает как душа людей и космический символ. Например, в стихотворении «Лебедь» Ф.И. Тютчева орёл взлетает в небо, стремится к солнцу. Здесь этот поэтический образ воплощает собой мужественный полёт человеческого духа, который рвётся к свету и свободе».

На наш взгляд, тютчевский текст не дает оснований для подобных выводов. Автор недвусмысленно противопоставляет парящего в вышине орла лебедю: «Пускай орел за облаками <...> Но нет завиднее удела, / О, лебедь чистый, твоего». Причем, лебедь, в отличие от своего «оппонента», обласкан и принят высшей силой. Орел способен постичь только внешние проявления истины («неподвижными очами в себя вливает солнца свет»), лебедь «отовсюду окружен» «полной славой тверди звёздной».

3. Анализируя «Галлиполийцев» Перелешина, диссертант пишет: «С помощью орнитологического образа поэт выразил состояние души, сложные духовные искания, особое эмоциональное состояние, вызванное жизненными испытаниями. <...>

С тех пор натуги, и усилья,
И жалкие цветы наград,
А мы, как мельничные крылья,
Всё возвращаемся назад <...>

Вполне понятно, что образ крыла в этом контексте обозначает не часть тела птицы, а метафорическое значение, восходящее к орнитологической образности. Однако в поэзии оба значения слова актуализируются». Хотелось бы уточнить, какие именно сложные духовные искания нашли отражение в этой строфе и в чем конкретно выражается актуализация значений?

Завершая критическую часть отзыва, считаем нужным подчеркнуть, что наши вопросы носят дискуссионный характер, а высказанные выше замечания не касаются концептуальных положений диссертации.

Достоверность исследования Ван Е, высокая степень обоснованности научных полбжений и выводов обеспечивается последовательным целенаправленным применением традиционных методов академического литературоведения (биографического, историко-литературного, сравнительно-сопоставительного), а также методов мотивного и целостного анализа текста в совокупности с системным подходом. Важную роль в

данном случае играют объем и содержательное многообразие источников, а также обширный корпус разнородных авторских текстов, что позволяет соискателю объективно оценить «орнитологический» пласт поэзии русского Зарубежья.

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью применять полученные результаты в исследованиях по истории русской лирики и художественной семантике образа, а также в исследованиях, связанных с вопросами функционирования образной системы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что ее основные положения могут быть использованы в преподавании истории русской литературы в целом; в спецкурсах, посвященных творчеству поэтов первой волны русского зарубежья, а также в практике художественного перевода и научного комментирования литературных текстов.

С учетом сказанного **рекомендации по использованию результатов и выводов исследования** очевидны: сферой их применения могут стать базовые вузовские дисциплины, соответствующие курсы по выбору, научные исследования в области истории литературы и поэтики.

Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.01 — русская литература по следующим пунктам: п. 4 — история русской литературы XX–XXI веков, п. 8 — творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве, п. 9 — индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии.

Автореферат и публикации отражают основное содержание диссертации. В целом диссертационная работа Ван Е является законченным, ценным по полученным результатам, самостоятельным исследованием актуальной научной проблемы, которое содержит решение задач, имеющих принципиальное значение для литературоведения.

Таким образом, диссертация Ван Е «Истоки и художественная семантика орнитологических образов в лирике восточной ветви русского Зарубежья» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук (п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842), и ее автор Ван Е заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв о диссертации Ван Е «Истоки и художественная семантика орнитологических образов в лирике восточной ветви русского Зарубежья» составлен профессором кафедры литературы и русского языка ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина» доктором филологических наук, доктором философских наук, профессором Слободнюком Сергеем Леоновичем (188662, Ленинградская обл, Всеволожский р-н, п. Мурино, ул.Шувалова, 4-314, тел. 89006432022, эл.почта gumilev65@mail.ru).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры литературы и русского языка ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина» 21 февраля 2019 года (протокол №8).

Присутствовало на заседании 23 чел. В обсуждении приняли участие 23 человека. Результаты голосования: «за» – 23 чел., «против» – нет; «воздержалось» – нет.

Заведующий кафедрой
литературы и русского языка
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский
государственный университет
им. А.С. Пушкина», доктор
филологических наук, профессор

Гальяна Владимировна Мальцева

Подпись *Т.В. Мальцевой*
Удостоверяю "22" 02 2019 г.
Документовед ОК *Жукова* Е. В. Жукова

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Адрес: 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д.10.

Телефон: 8(812)466-65-58, e-mail: pushkin@lengu.ru.

**Сведения о ведущей организации по диссертации
Ван Е на тему «Истоки и художественная семантика орнитологических
образов в лирике восточной ветви русского зарубежья», представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.01 – русская литература**

Полное наименование организации в соответствии с уставом	Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Сокращенное наименование в соответствии с уставом	ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина»
Ведомственная принадлежность	Комитет общего и профессионального образования Ленинградской области
Почтовый индекс, адрес организации	196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
Веб-сайт	http://lengu.ru
Телефон	+7 (812) 466-65-58
Адрес электронной почты	pushkin@lengu.ru

**Список основных публикаций сотрудников организации по теме
диссертации в рецензируемых научных изданиях за последние 5 лет
(не более 15 публикаций)**

1. Вигерина Л.И. "Осенние" элегии царскосельского текста поэзии А.М. Городницкого // XIX Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 243-249.

2. Жиркова М.А. Покинутая родина и первые впечатления в эмиграции в поэтических циклах Саши Черного "На Литве" И "Чужое солнце" // Новый филологический вестник. – 2015. – № 4 (35). – С. 47-56.
3. Жиркова М.А. Творческий и жизненный сюжет книги стихов Саши Черного "Жажда" // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XIX международной научной конференции. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 290-296.
4. Жиркова М.А. Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия – Италия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 1. № 2. – С. 43-51.
5. Мальцева Т.В. "Божий лик" природы в русской литературе (на материале М. Горького) // Шестые Пюхтицкие чтения Материалы международной научно-практической конференции. – Куремяэ, Эстония, 2017. – С. 122-132.
6. Мальцева Т.В. Антитеза земли и неба в русской поэзии // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XIX международной научной конференции. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 136-140.
7. Мальцева Т.В. Просто пейзаж или "божий лик природы"? О стихотворении М.Ю. Лермонтова "Выхожу один я на дорогу..." // Седьмые Пюхтицкие чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Посвящается памяти схиигумении Варвары (Трофимовой) 1930-2011 гг. – Куремяэ, Эстония, 2018. – С. 129-135.
8. Мальцева Т.В. Роль авторской жанровой номинации стихотворения М.Ю. Лермонтова "Три пальмы" // Традиции в русской литературе. Международный сборник научных трудов. Кафедра русской и зарубежной филологии НГПУ им. К.

- Минина. – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2014. – С. 18-23.
9. Петрова С.А. Интермедиаальная специфика образа дерева в творчестве В.Р. Цоя // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 3-4 (45). – С. 80-82.
10. Петрова С.А. Поэтика полёта в творчестве В.Р. Цоя // Петрова С.А. // В мире научных открытий. – 2015. – № 7-8 (67). – С. 3014-3019.
11. Петрова С.А. Формирование образной системы в песне В. Р. Цоя "Дерево" (на материале черновых записей) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2018. – № 18. – С. 109-112.
12. Петрова С.А. Эволюция интермедиаального образа струны в творчестве А. А. Фета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 7-1 (85). – С. 46-49.
13. Слободнюк С.Л. Апокалиптика русской литературы: К. Случевский и А. Блок // Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность. Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 252-259.
14. Слободнюк С.Л. Дьявол по имени Бог ("Злые чары" К. Д. Бальмонта) // Art Logos. – 2017. – № 2 (2). – С. 47-60.
15. Слободнюк С.Л. От Люцифера к "Утренней звезде": легенда о православном Гумилеве // Art Logos. – 2018. – № 2 (4). – С. 37-49.

Заведующий кафедрой
литературы и русского языка

Т.В. Мальцева

Подпись:	<i>Т.В. Мальцева</i>
Удостоверяю:	<i>21.02</i>
Документовед ОК:	<i>Е.Э. Жуков</i>

